
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВЕРА ЗУБАРЕВА

И ПАЙКУ НАСУЩНУЮ ДАЙ НАМ ДНЕСЬ...

Как некогда Петя Трофимов, воскликнувший в революционном запале: «Вся Россия наш сад!», герой повести Солженицына может воскликнуть: «Вся Россия наш лагерь!» На метауровне «Один день Ивана Денисовича» не что иное, как модель выживания в лагере довольного общего, в раздвинутых рамках страны, режима.

Но речь не о политике. О ней написано достаточно в связи с повестью, и, даже когда ее интерпретаторы переключаются на художественный аспект, разговор о мастерстве рикошетом попадает в зону обитания главного героя. А зона есть зона. К ней привязаны мысли критиков прямо или косвенно, от нее отталкиваются, в нее возвращаются, поясняя каждый на свой лад феномен обыденного в повести о немислимом. Но, как определил это сам Солженицын в своей нобелевской речи, «работа художника не укладывается в убогой политической плоскости, как и вся наша жизнь в ней не лежит»¹. «Один день Ивана Денисовича» — это повесть о «всей нашей жизни», а не одном ее историческом отрезке.

«Как нарочно (не сомневаюсь, что нарочно), автор выбрал для рассказа относительно благополучную пору в лагерной судьбе своего героя», — пишет В. Лакшин в новомирской статье 1964 года². «Самое же парадоксальное и смелое, что и в этой сравнительно легкой полосе лагерного срока автор выбирает из длинной череды дней, проведенных Иваном Денисовичем за колючей проволокой, день не просто рядовой, но даже удачный для Шухова, „почти счастливый“. К чему это?»³ Ответов может быть сколько угодно. В. Лакшин, например, вполне убедительно и тонко подводит к тому, что этот прием позволяет Солженицыну достичь максимального эффекта присутствия, настраивая читателя на шкалу ценностей Ивана Денисовича и помогая читателю стать на миг Шуховым, ощутить зону, ибо «о мере несчастья человека можно дать понятие, рассказав о том, что кажется ему счастьем» (Лакшин, 39).

Зубарева Вера Кимовна — поэт, прозаик, литературовед. Родилась в Одессе. Автор 16 книг поэзии, прозы и литературной критики. Ph.D Пенсильванского университета. Пишет на русском и английском. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Нева», «Новая Юность», «Посев» и других. Постоянный автор «Нового мира». Живет в Филадельфии.

Статья публикуется к 55-летию выхода повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» («Новый мир», 1962, № 11).

¹ Солженицын А. И. Слово на нобелевской церемонии. Стокгольм, 10 декабря 1974. — Солженицын А. И. Публицистика в трех томах: статьи и речи. Ярославль, Верхнее-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1, стр. 224.

² Лакшин В. Иван Денисович, его друзья и недруги. — «Новый мир», 1964, № 1, стр. 224.

³ Здесь и далее цит. по: Лакшин В. Иван Денисович, его друзья и недруги. — В кн.: Лакшин В. Литературно-критические статьи. М., «Гелеос», 2004, стр. 36.

Трудно с этим спорить, тем более что именно о мере несчастья и пишет Солженицын в повести. Только вот мера эта превышает меру лагерного несчастья. И здесь мне хочется остановиться именно на том, о чем не задумывается герой повести, но явно задумывается ее автор.

Перечитывая критику об «Одном дне...», наткнулась на интересную и во многом близкую мне заметку Олега Павлова «„Один день Ивана Денисовича“ как христианское послание миру»⁴. В ней О. Павлов проводит мысль о том, что Солженицын показывает мир, позабывший Бога и «подчиненный законам выживания». «Главный смысл этой вещи — конечно, вопрос о Боге», — пишет О. Павлов, обращаясь, в частности, к образу Алеши-баптиста. «Но почему баптист?» — задается он вопросом. Его ответ таков: «Наверно потому, что Солженицын хотел показать все-таки христианское разномыслие». Конечно и это, но не только.

Не говоря уже о том, что баптисты в повести (и позже — в «Архипелаге ГУЛАг») предстают истинными верующими, в отличие от православных, забывших, как креститься, они еще и олицетворяют объединение Ветхого и Нового Заветов в том смысле, что баптизм равно принимает оба завета в качестве Священного Писания.

Краеугольный камень Ветхого Завета — Исход, положивший начало формированию ментальности свободного человека и давший десять заповедей, ставших основанием Закона Божьего. Речь не о социальных свободах и не о политических. Иудеи покидали Египет не для того, чтобы найти себе лучшего правителя. Земля обетованная была завещана Богом, и тот, кто шел исключительно из материальных побуждений (а такие группы беженцев, примкнувшие к иудеям, тоже были), вернулся в Египет после недолгих странствий. Исход был связан с ухудшением, а не улучшением условий жизни, пусть и временным, длиною в несколько поколений. Этому сопутствовало обучение новым правилам и законам свободного мира, часто непонятным, идущим вразрез со здравым смыслом и потому трудновыполнимым.

Оказавшись в пустыне, иудеи не раз сетовали Моисею на то, что тот обрек их на мытарства: «...и роптал народ на Моисея, говоря: зачем ты вывел нас из Египта, уморить жаждою нас и детей наших и стада наши?» (Исх. 17:3). Это — общечеловеческое. И Шухов тоже думает о физическом аспекте, размышляя о воле в тех же терминах, что и укорявшие Моисея иудеи:

Шухов молча смотрел в потолок. Уж сам он не знал, хотел он воли или нет. Поначалу-то очень хотел и каждый вечер считал, сколько дней от срока прошло, сколько осталось. А потом надоело. А потом проясняться стало, что домой таких не пускают, гонят в ссылку. И где ему будет житуха лучше — тут ли, там — неведомо.

Философствования Алеши ему непонятны, и на ухудшение условий своей лагерной жизни во имя служения Богу он не пойдет. Он будет в числе тех, кто скорее останется в Египте, чем пожертвует пайкой. На аналогию с Египтом наталкивает и критика работ Таккера в более поздней полемической статье Солженицына, где он пишет: «Или, пишет Таккер: ГУЛАГ происходит от насильственного труда при Петре I, — оказывается, насильственный труд изобретен в России! А почему не от египетских фараонов?»⁵

«Упрекают Ивана Денисовича в том, что он будто бы примирился с лагерем, „приспособился“ к нему. Но не то же ли это самое, что упрекать больного за его болезнь, несчастного за его же несчастье!» — пишет В. Лакшин (Лакшин, 52). Прежде всего причиной несчастий нередко является сам пострадавший (это видно и на примерах исторических). Однако это наблюдение общего характера.

⁴ Павлов Олег. «„Один день Ивана Денисовича“ как христианское послание миру». — «Перемены», 2013, 15 февраля <<http://www.peremeny.ru/blog/14207>>.

⁵ Солженицын А. И. Иметь мужество видеть. Полемика в журнале «Foreign Affairs». — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 393.

А какова позиция самого создателя Ивана Денисовича? Солженицын не назидателен, он не упрекает своего героя — он только прослеживает ход его мыслей, и в том, на чем он останавливается, угадывается серьезная озабоченность, по поводу не только «болезни», но и «больного».

Вопрос «болезни» ставится Солженицыным шире и выходит за пределы лагерной темы как сгустка того, что творится в стране. Поэтому и акцент повествования на обыденном, будничном, как бы сближающем зону и волю, дающем возможность их сопоставить, иногда даже в пользу лагерей. Вынеси различия за скобки, и рабочие будни зэков во многом совпадут с тем, что происходит на воле. Тут тебе и совещания прорабов о невыполнении плана и о трудовых потерях, и борьба за процентовку, и подкуп начальства, и кумовство, и ловкачество членов бригады, и продвижения по «службе», и халатность, и воровство...

От процентовки больше зависит, чем от самой работы. Который бригадир умный — тот не так на работу, как на процентовку налегает. С ей кормимся. Чего не сделано — докажи, что сделано; за что дешево платят — оберни так, чтоб дороже. На это большой ум у бригадира нужен. И блат с нормировщиками.

Нормировщикам тоже *нести* надо.

Или:

Второй, прорабской, дверь недоприкрыта, и оттуда голос прораба гремит:

— Мы имеем перерасход по фонду заработной платы и перерасход по стройматериалам.

Все до боли узнаваемо, все атрибуты советского бытия налицо, только в ужесточенном режиме. То же относится и к быту. Замени барак на коммуналку того времени с шестнадцатью-двадцатью семьями, дежурствами и очередью в туалет, со стукачеством, отсутствием отопления зимой, нехваткой продуктов питания, пайков и пр., и пр. и получишь аналогичную картину. Из существенных отличий будет лишь это:

Чем в каторжном лагере хорошо — свободы здесь *от нуза*. В усть-ижменском скажешь шепотком, что на воле спичек нет, тебя сядят, новую десятку клепают. А здесь кричи с верхних нар что хошь — стукачи того не доносят, оперы рукой махнули.

Такой вот парадокс. Выходишь на свободу — попадаешь в неволю, и наоборот. Замкнутый круг, из которого один только выход — Исход. Но всем ли он по силам?

Ситуация, конечно, несколько иная, чем та, которая описана в Ветхом Завете. Там иудеи покидали государство язычников, чтобы исповедовать свою веру на Земле обетованной. Здесь — язычество под маской коммунизма-атеизма само пришло на землю православия. Поэтому Исход мыслится как исход из «порабощенной страны»⁶ в ту же страну, но свободную духом. Поскольку победа «Змия» была обусловлена пошатнувшейся верой, Исход из ложных ценностей должен сначала совершиться изнутри, молчаливо меняя изуродованную систему общественных отношений. Это именно то «мнимое бездействие», о котором спустя десятилетие напишет Солженицын: «Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет *не через меня!* И это — прорез во мнимом кольце нашего бездействия! — самый легкий для нас и самый разрушительный для лжи. Ибо когда люди отшатаются ото лжи — она просто перестает существовать. Как зараза, она может существовать только на людях»⁷.

⁶ Солженицын А. И. Иметь мужество видеть. Poleмика в журнале «Foreign Affairs». — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 384.

⁷ Солженицын А. И. Жить не по лжи. — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 189.

Применительно к повести вышесказанное выглядит так: пусть ложная доктрина расчеловечивания «владеет не через меня». И не с этой ли целью вводит Солженицын в повествование образ сержанта по прозвищу Полтора Ивана как намек на возможность такой «бездейственной» перестройки отношений, названных режимом?

Полтора Ивана, худой да долгий сержант черноокий. Первый раз глянешь — прямо страшно, а узнали его — из всех дежурняков покладистей: ни в карцер не сажает, ни к начальнику режима не таскает.

Полтора Ивана не протестует против жестоких тюремных порядков. Он просто не поддерживает ложь о врагах народа, избрав модель христианского поведения. Да и само имя символично — именно таким хочет видеть Солженицын русского человека в часы радостей и невзгод, в особенности когда дух страны гибнет от «остро-инфекционной коммунистической заразы»⁸.

Метафора того, что «дух антихриста уже в мире» (1 Ин. 4:3 — 9) угадывается в незначительных, казалось бы, описаниях. Вот, к примеру, одно из них:

И расхотелся в луче широкий дым от трубки Цезаря, как ладан в церкви. А печка вся красно насквозь светилась, так раскалили, идола. И трубы докрасна.

Поставленные в один понятийный ряд слова «церковь» и «идолы», да еще и в непосредственной близости к образу раскаленной докрасна печи, выстраивают вполне определенный ассоциативный фон. Идолами названы (описание дается словами Шухова) привилегированные ээки, среди которых и Цезарь с повадками царька («...трубку курит, у стола своего развалясь. К Шухову он спиной, не видит»). «Цезарь» ассоциируется с культурой язычников, подготавливая появление существительного «идолы», поставленного в сильную позицию в конце фразы. «Дым от трубки Цезаря» продлевает эту ассоциативную цепь, связываясь в воображении читателя с языческими курениями и образом Змия в фольклорных и апокрифических сказаниях («...эта связь змея с огнем — постоянная черта его», — пишет В. А. Пропп⁹).

Наблюдающий эту картину Шухов сравнивает «курения» с ладаном в церкви. И это не в первый раз он сопоставляет и сближает с церковной атрибутикой то, что прямо противоположно ей («Начальник караула прочел ежедневную надоевшую арестантскую „молитву“»). Так «хлеб насущный» в Алешиной молитве ассоциируется у него с пайкой («— Из всего земного и брэнного молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном: „Хлеб наш насущный даждь нам днесь!“ — Пайку, значит? — спросил Шухов»), а молитва, направленная к Богу, напоминает прошение к местному начальству.

Услышал Алешка, как Шухов вслух Бога похвалил, и обернулся.

— Ведь вот, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться.

Почему ж вы ей воли не даете, а?

Покосился Шухов на Алешку. Глаза, как свечи две, теплятся. Вздохнул.

— Потому, Алешка, что молитвы те, как заявления, или не доходят, или «в жалобе отказать».

Перед штабным баракком есть такие ящичка четыре, опечатанные, раз в месяц их уполномоченный опоражняет. Многие в те ящички заявления кидают.

Ждут, время считают: вот через два месяца, вот через месяц ответ придет.

А его нету. Или: «отказать».

Шухов не является атеистом в отличие от окружающей его прогрессивной интеллигенции, ум которой зашлакован идеологией. Он просто хочет сориентироваться в новых условиях и выстраивает те аналогии, которые помогают

⁸ Солженицын А. И. Коммунизм: у всех на виду — и не понят. — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 332.

⁹ Пропп В. А. Исторические корни волшебной сказки. М., «Лабиринт», 2000, стр. 184.

его крестьянскому сознанию определить искомое через известное. Эта подмена только запутывает его, и вот уже на одну ступень поставлены баптисты и политруки, чтение евангелия и агитка («Баптист читал евангелие не вовсе про себя, а как бы в дыхание (может, для Шухова нарочно, они ведь, эти баптисты, любят агитировать, вроде политруков)...»). Но зато читателю должно стать видней, как происходит замещение христианского сознания на псевдохристианское. «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: „Я Христос“, и многих прельстят» (Мф. 24:4 — 5). Это как нельзя лучше подходит к ситуации Шухова (в Ветхом Завете пророчества о ложном мессии и завоевателе связаны с попытками склонить иудеев к язычеству).

Солженицын будто предвидит то недалекое время, когда на смену заповедям и под их личиной придет «Моральный кодекс строителя коммунизма» (буквально за год до публикации повести — в 1961-м). Для идеологически подкованного и религиозно неграмотного что Бог, что боги — едино. Поэтому, когда наказ верить в Единого Бога замещается наказом веровать в единый политический режим, это как-то проходит незамеченным. А вслед за этим незамеченным проходит и остальное. Главное — это подмена безусловных требований («не убий», «не прелюбодействуй», «не укради», «не произноси ложного свидетельства» и «не желай... <всего>, что есть у ближнего твоего») на условные. «Коммунизм никогда не скрывал, что он отрицает всякие абсолютные понятия нравственности», — говорит Солженицын в своей «Речи в Нью-Йорке...» «Коммунизм считает нравственность относительной, классовой. В зависимости от обстоятельств, от политической обстановки, любой акт, в том числе и убийство, и убийство сотен тысяч людей, может быть плохо, а может быть — хорошо. Это — в зависимости от классовой идеологии»¹⁰.

Те же вопросы поднимаются и в повести. Вот, к примеру, как решается эсками вопрос «не убий»:

— ...Поспокойне'й! — Фетюков шипит (дело к перерыву, и все к печке подтянулись). — Людей в постелях режут! Поспокойне'й!..

— Нэ людны, а стукачи'в! — Павло палец поднял, грозит Фетюкову.

В тюремном царствии помбригадир Павло приходит на смену апостолу Павлу, на которого ссылается Алеша-баптист. Выбор имени «Павло» знаменателен и отражает идею «духа антихриста» в мире. Коварство в том, что закон богоборцев куда ясней и доступней Закона Божьего, поскольку цель обозначена, средства даны и условия по ее достижению сформулированы. А безусловные заповеди простому человеку невнятны. Слишком абстрактно они звучат, слишком оторваны от конкретной ситуации. Он не в состоянии понять, почему спасение — в них. Здравый смысл не может согласиться с положениями типа «не убий». А что, если перед тобой враг? А что, если на тебя нападают? Контр-вопрос: а ты уверен, что перед тобой враг? Или: а что, если завтра враг будет объявлен другом?

Заповеди зиждутся на понимании того, что в ситуации полуопределенности необходимы стратегические ограничения. Хотел ведь царь Эдип избежать пророчества, боялся убить отца родного, а все равно убил. И не потому, что это было предрешено, как думают многие. Отношение к судьбе у древнегреческих философов более сложное. Оно сводится к тому, что с помощью «действенного бога» судьба человека может быть изменена. Только для этого необходим «пересмотр собственной модели поведения»¹¹. Вот если бы «Эдип дал обет не убивать вообще никого и ни при каких обстоятельствах и после этого все равно совершил убийство, тогда бы имело смысл говорить

¹⁰ Солженицын А. И. Речь в Нью-Йорке перед представителями профсоюзов АФТ — КПП 9 июля 1975. — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 259.

¹¹ Winnington-Ingram R. P. Sophocles: An Interpretation. New York, Cambridge U. P., 1980, p. 155. Перевод цитаты с англ. мой. — В. 3.

о неотвратимости»¹². Ошибка Эдипа в том, что он решил сменить место проживания, а не изменить отношение к убийству.

Солженицын прекрасно понимал опасность новой морали и именно поэтому сразу же, после замечания Павло о «нелюдах», привел рассказ об убийстве, произошедшем по ошибке:

И правда, чего-то новое в лагере началось. Двух стукачей известных прямо на вагонке зарезали, по подъему. И потом еще работягу невинного — место, что ль, спутали.

И сколько таких невинных душ было загублено, и сколько виновных было признано потом невинными! Картина лагеря отражает картину страны. Интересно, что Иван Денисович чувствует себя относительно комфортно в этой ситуации. Его даже не пугает возможность стать одной из таких случайных жертв. Разговор об убийстве «нелюдей» возникает в ответ на его рассуждения о том, что «здесь поспокойней». «И гарантийка тут на сто грамм выше. Тут — жить можно. Особый — и пусть он особый, номера тебе мешают, что ль? Они не весят, номера». Это леденящее душу любого верующего заявление говорит лишь об одном: Щ-854 морально готов к расчеловеченной жизни, уготованной ему новым режимом внутри и вне лагерей. Лучшим комментарием к этому служит пародийное высказывание самого Солженицына: «Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара»¹³.

Засыпая, Иван Денисович мысленно перечисляет все удачи так неудачно складывавшегося дня. Удачи, о которых он вспоминает, связаны преимущественно с материальным аспектом лагерной жизни.

Засыпал Шухов, вполне довольный. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножёвкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся.

Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.

У Алеши представление о счастливом дне выражено в его молитве:

— Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или как вор, или злодей, или как посягающий на чужое. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.

«Но вспомним мы тот день, когда правильный зэк — ни разу не согрешив, кроме как спрятав в рукавице обрубок пилки — молится на шмоне», — пишет О. Павлов о Шухове. А действительно ли Шухов ни разу не согрешил, кроме того, что припрятал обрубок пилки? Разумеется, ни убийцей, ни злодеем Ивана Денисовича не назовешь, а вот насчет воровства и посягательства на чужое нужно еще подумать. Как, например, ему удалось «закосить кашу» в обед? А вот так:

Шухов покинул всю гору мисок своих за столом, ногой через скамью перемахнул, обе миски потянул и, вроде не для повара, а для Павла, повторил не очень громко:

— Четырнадцать.

— Стой! Куда потянул? — заорал повар.

— Наш, наш, — подтвердил Павло.

¹² Зубарева Вера. Перечитывая А. Веселовского в XXI веке. — «Вопросы литературы», 2013, № 5, стр. 71.

¹³ Солженицын А. И. Жить не по лжи! — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 187.

— Ваш-то, ваш, да счета не сбивай!

— Четырнадцать, — пожал плечами Павло. Он-то бы сам не стал миски *косить*, ему, как помбригадиру, авторитет надо держать, ну, а тут повторил за Шуховым, на него же и свалить можно.

— Я «четырнадцать» уже говорил! — разоряется повар.

— Ну что ж, что говорил! а сам не дал, руками задержал! — шумнул Шухов. — Иди считай, не веришь? Вот они, на столе все!

Шухов кричал повару, но уже заметил двух эстонцев, пробивавшихся к нему, и две миски с ходу им сунул. И еще он успел вернуться к столу, и еще успел соchnуть, что все на месте, соседи спереть ничего не успели, а свободно могли.

Шухов, конечно, рад, и читатель рад, что Ивану Денисовичу так ловко удалось закосить две миски для своих. То есть в конкретном случае как бы хорошо, а безотносительно — что-то между воровством и посягательством на чужое, потому что Иван Денисович систему обдурил, но, с другой стороны, оставил без должной порции кого-то из товарищей, и, возможно, не одного. Ведь каша сварена из расчета на определенное количество человек, значит две украденных порции нужно будет возместить, недодав другим, таким же голодным и отработавшим смену. То, что этот ход мыслей согласуется с замыслом Солженицына, подтверждается утренним разговором в бараке:

В соседней бригаде чуть буркотел помбригадир:

— Василь Федорыч! В продстоле передернули, гады: было девятисоток четыре, а стало три только. Кому ж недодать?

Он тихо это сказал, но уж, конечно, вся та бригада слышала и затаилась: от кого-то вечером кусочек отрежут.

Солженицын так выстраивает эпизоды в повести, что они удалены друг от друга и связь между ними размывается. Восстановить ее — дело внимательного читателя, исповедующего ту же систему ценностей, что и писатель. «Но Шухов однажды обсчитал инструментальщика и лучший мастерок зажилил. И теперь каждый вечер он его перепрятывает, а утро каждое, если кладка будет, берет», — пишет Солженицын. А где теперь инструментальщик возьмет недостающий мастерок? Перед кем станет отчитываться? Какое наказание понесет?

Представление «об относительности добра и зла»¹⁴ стало нормой в обществе, где классовая идеология уничтожила религиозные ценности. Вот строят ненавистные сборные дома, воруют, что могут, не стыдясь и даже гордясь. А строят-то для таких, как сами, для рабочих, для семей, для будущего...

И работягам всем на эти сборные дома наплевать. И бригадирам тоже. Печется об них только прораб вольный, да десятник из эсков, да Шкуропатенко долговязый. Никто он, Шкуропатенко, просто эск, но душа вертухайская. Выписывают ему наряд-повременку за то одно, что он сборные дома от эсков караулит, не дает растаскивать. Вот этот-то Шкуропатенко их скорей всего на открытом прозоре и подловит.

Шкуропатенко — враг, он на стороне тех, кто на воле. И Шухов изворачивается, всю свою смекалку и умение направляет на то, чтобы обвести вокруг пальца эту шкуру Шкуропатенко (а попросту — украсть для нужд бригады).

— Вот что, Ваня, плашмя нести нельзя, — придумал Шухов, — давай его стоймя в обнимку возьмем и пойдем так легонько, собой прикрывая. Издала не разберет.

Ладно придумал Шухов. Взять рулон неудобно, так не взяли, а стиснули между собой, как человека третьего, — и пошли. И со стороны только и увидишь, что два человека идут плотно.

¹⁴ Солженицын А. И. Речь в Нью-Йорке перед представителями профсоюзов АФТ — КПП. 9 июля 1975. — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 259.

Это воровство коллективное и для коллектива, а все, что для коллектива, — хорошо. Ибо сказано: «Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного». А Шкуропатенко — против всех и печется только о своем благе. Таков подтекст внутреннего монолога Ивана Денисовича. Понимают ли зэки, что воровать плохо? Конечно! В том случае, когда воруют у них: «Сам повар только вот что делает: крупу да соль в котел засыпает, жиры делит — в котел и себе (хороший жир до работяг не доходит, плохой жир — весь в котле. Так зэки больше любят, чтоб со склада отпускали жиры плохие)». Так не доставайся же ты никому! Ну а если те же зэки станут поварами, тогда все нужно будет поменять наоборот.

Разделение на «своих» и «чужих», на «рабов» и «фараонов» не является исключительно внутривоспитательным. Оно привносится извне в качестве канона. Вот приходит Иван Денисович вымыть полы в надзирательской, а ему кричат с порога: «Дверь-то притягивай, ты, падло! Дует!»; «Ты! гад! потише!»; «Ты хоть видал когда, как твоя баба полы мыла, чушка?» Изголяются каждый на свой лад. А ведь это все русские, свои. Не фашисты, не иноземцы — свои. И при этом прекрасно знающие, что перед ними не уголовники, а интеллигенция, верующие, бывшие военные, защищавшие родину и рисковавшие жизнью, прошедшие плен, бежавшие и пр., и пр. Солженицын пишет о них скупое: «Сенька, терпелик, все молчит больше: людей не слышит и в разговор не вмешивается. Так про него и знают мало, только то, что он в Бухенвальде сидел и там в подпольной организации был, оружие в зону носил для восстания. И как его немцы за руки сзади спины подвешивали и палками били». А теперь свои бьют палками, и мучают, и в карцер сажают.

Люди и есть режим. Солженицын пишет о повальной потере сострадания — нет, не у правящей верхушки, а в среде исполнителей, с радостью играющих роль фараонов при рабах. «Никакие не „они“ во всем виноваты — мы сами, только мы!» — напишет он позднее¹⁵. И вся повесть не о «них», а о нас — в прошлом, настоящем и будущем. Ибо, как сказал Солженицын в своей нобелевской речи, литература переносит в бесценном направлении «неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живую памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю — в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу»¹⁶.

В критике принято противопоставлять Алешу и Шухова. И на поверхности так все и выглядит. Иван Денисович практичен. Он спрячет свои полпайки про запас. А рядом — непрактичный Алеша, живущий по принципу «не хлебом единым», но прячущий свой духовный хлеб так, что его невозможно отыскать при шмоне, и это вызывает легкую зависть у практичного Ивана Денисовича. Ему бы так свою пайку припрятать! У Алеша тело в неволе, а дума — свободная, на Бога направленная. А у Шухова и дума несвободная.

Дума арестантская — и та несвободная, все к тому ж возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе? В санчасти освободят ли вечером? Посадят капитана или не посадят? И как Цезарь на руки раздобыл свое белье теплое? Наверно, подмазал в каптерке личных вещей, откуда ж?

Алеша предпочитает тюрьму тела тюрьме души, но, как всякий идеалист, мыслит упрощенно.

— Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями заглохнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать! Апостол Павел вот как говорил: «Что вы плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть за имя Господа Иисуса!»

¹⁵ Солженицын А. И. Жить не по лжи! — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 188.

¹⁶ Солженицын А. И. Слово на нобелевской церемонии. Стокгольм, 10 декабря 1974. — Солженицын А. И. Публицистика в трех томах... Т. 1, стр. 16.

Иронические эпитеты «чистенький» и «приумытый» («...баптист Алешка, сосед Шухова, чистенький, приумытый, читал свою записную книжку...») как нельзя лучше описывают оторванность от жизни. На самом деле всякий идеал — это и есть «чистенький» и «приумытый» образ мира. Солженицын показывает, что рассуждения Алеши о пользе тюрьмы — это идея фикс. Ну о какой душе будут думать ээки, жизнь которых втиснута в жесткие рамки тюремного распорядка? Алеша не понимает, что тюрьма не преобразует, а еще больше закабалает уже закабаленное сознание. Поэтому и православные, о которых он говорит с укором, не укрепляются в вере в тюрьме, а, наоборот, теряют ее окончательно.

В условиях, когда духовность выбита из-под ног и культура оказывается в подвешенном состоянии, требуется более изощренная стратегия. Говорят, подобное нужно лечить подобным. Революция в системе образования вызвала болезнь, которую можно вылечить лишь контр-революцией. Вероисповедание в условиях оккупированной духовности требует от верующего поиска путей передачи запретного знания. Так и поступали христиане и иудеи во все времена, втайне обучая молодое поколение. В каком-то смысле и Алеша так поступает, обсуждая вопросы веры с Иваном Денисовичем, но делает это неумело, примитивно, чем вызывает у Шухова ассоциации с агиткой. Агитка апеллирует к внешнему, а учение — к внутреннему. Для того, чтобы донести учение Христа до других, Алеше нужно еще многое понять и прочувствовать, стать ближе к жизни, а не парить над ней. Иисус шел от жизни, ее насущных вопросов, и в этом была сила учения, укрепившая учеников.

Символично описание расположения Алеши и Шухова на вагонке:

Шухов лег головой к окну, а Алешка на той же вагонке, через ребро доски от Шухова, — обратно головой, чтоб ему от лампочки свет доходил. Евангелие опять читает.

Шухов и Алеша обращены к разным сторонам жизни. Шухов направлен на мирское пространство (положение головы к окну), а Алеша — на сакральное (положение головы к свету для чтения евангелия). При этом между ними происходит постоянный обмен мыслями, что дает им возможность лучше увидеть ту сторону, которая скрыта от каждого из них в отдельности. Вместе на вагонке спят и братья эстонцы. Но они показаны как единый механизм, однородный и замкнутый на себе. Шухов и Алеша скорее дополняют друг друга. Они сосуществуют как части системы, отвечающие за ее разные функции. Алеша поддерживает духовность, а Шухов — жизненные силы.

Алешка вернулся. Неумелец он, всем угождает, а заработать не может.

— На, Алешка! — и печенье одно ему отдал. Улыбится Алешка.

— Спасибо! У вас у самих нет!

— Е-ешь!

У нас нет, так мы всегда заработаем.

Проигрывая весь день от начала и до момента, когда Иван Денисович дает Алеше печенье, вдруг думаешь: а не потому ли и посчастливилось Шухову в тот день, что часть своего «успеха» он разделил с Алешей? Не потому ли срабатывает его молитва, и не это ли придает смысл его пребыванию в зоне (смысл, о котором он и не догадывается)? Вопрос только в том, каким способом поддерживать себя и близких в этих обстоятельствах, не преступая моральных законов. Печенье, которым Шухов делится с Алешей, не «закошненное», а заработанное. Иван Денисович охранял посылку Цезаря от воров и получил честное вознаграждение. Вот Солженицын описывает момент кладки печки для обогрева: «Не поленился Шухов, самый-то выпуск трубы еще с одним коленом вверх сделал. Сегодня нет ветру, а завтра будет — так чтоб дыму не задувало. Надо

понимать, печка эта — для себя». Нет ничего дурного в том, чтобы стараться для себя. Дурно то, что происходит это за счет разрушения очага ближнего. Печка выкладывается из разворованных стройматериалов, и разворовывались они на протяжении всех лет существования советской власти.

Итак, о чем ведет речь Солженицын? О том, что строится новый мир на новых ценностях, о том, что возводится изба, каждый угол которой обустроивается за счет угла другого, о том, что изба расшатывается и никакие идеологические подпорки ее не укрепят, о том, что происходит обмеление души и вырождении духа. А также о приходе «врага рода человеческого» в лице коммунизма и о вере, находящейся в заточении. Шухова, возможно, и выпустят на волю. А кто освободит веру?

Святой Георгий Победоносец, он же Георгий-змееборец, спасающий деву (христианскую веру) от Змия, — один из самых значимых апокрифических образов в христианстве. В фольклоре наиболее известны Добрыня Никитич, победивший Змея Горыныча, и Илья Муромец по прозвищу Илья-змееборец.

Никто из героев повести в отдельности не тянет на змееборца. Да и не может быть прямых соответствий, поскольку герои Солженицына находятся в становлении. Они должны прийти к чему-то важному, но не изолированно, а взаимодействуя друг с другом. Капитан второго ранга Буйновский, борец с тюремными «антисоветскими» порядками, делит вагонку месте с Шуховым и Алешей.

Вставали сразу двое: наверху — сосед Шухова баптист Алешка, а внизу — Буйновский, капитан второго ранга бывший, кавторанг.

Двухэтажная конструкция вагонки позволяет говорить о вертикальной схеме, описывающей эту тройственную мини-систему, в основании которой находится воин, а «верх» закреплен за крестьянином и верующим. На память приходит фольклорная модель трех богатырей. Разумеется, речь не о тождестве, а об изоморфности троиц, каждая из которых имеет свои особенности. Так, Алеша Попович — самый младший из всех богатырей и самый слабый из них — хоть родом из поповской семьи, но плут и хитрец. Ассоциация с именем Алешы Поповича в связи с Алешей-баптистом возникает произвольно, когда Солженицын ставит в один смысловой ряд имя Алешы и тему поповства. О попе начинает разговор Шухов, и поп в его рассказе выступает плутом. Алеша-баптист резко отзывается о попах, как попирателях истинной веры. И в этом смысле он Алеша Не-попович:

— Зачем ты мне о попе? Православная церковь от Евангелия отошла. Их не сажают или пять лет дают, потому что вера у них не твердая.

В этой солженицынской троице «буй-тур» Буйновский, яро налетающий на «антисоветского» Змия в лице начальников лагеря («— Вы не советские люди! — долбаит их капитан»), более всего годится на роль Добрыни-змееборца, прообразом которого является Георгий Победоносец. Средний, самый популярный из троих богатырей, — крестьянский сын Илья Муромец, по отчеству Иванович. Крестьянин Иван Шухов становится центральным героем повести Солженицына.

Плут из поповской семьи, воин и крестьянин — так в общих чертах описывается богатырская троица в фольклоре. Модель Солженицына иная. Это иерархическое содружество змееборца, землепашца и христианина. У каждого свое место в этой иерархии и своя функция, и каждый должен совершенствоваться, а не замещаться другим. Так, «змееборец», ратующий за коммунистические ценности, должен прозреть относительно того, кто есть истинный Змий, осознать природу коммунизма как «непримиримого и динамического Зла»¹⁷.

¹⁷ Солженицын А. И. Иметь мужество видеть. Polemica в журнале «Foreign Affairs». — Солженицын А. И. Публицистика... Т. 1, стр. 388.

Хлебопашец должен понять разницу между «хлебом насущным» и пайкой, а верующий должен искать спасения души не в тюрьме, а в учениках, спасая тем самым новое поколение от «лютого атеизма»¹⁸.

Все это прочитывается не сразу. Да и сам Солженицын прочитывается не сразу, с чем столкнулись и его западные коллеги, поднаторевшие в политике и принявшие его за традиционного диссидента, посчитав, что за рубежом он станет бороться за политические и социальные свободы. Он и боролся против коммунизма, но не как антикоммунист, или про-капиталист, или социалист. Он боролся, как верующий, как воин, как Георгий Змеборец. Поэтому, оказавшись на Западе в силу известных обстоятельств, Солженицын уединился и продолжал работать, исповедуя то, во что единственно верил.

¹⁸ Солженицын А. И. Иметь мужество видеть.